

I

XVI столетие и начало XVII - "золотой век" испанской драмы [2].

Историки этой драмы, воздавая должное ее художественной технике, признавая за такими ее представителями, как Лопе де Вега [3], Кальдерон [4], Тирсо де Молина [5], первоклассный талант, подчеркивая ее громадное влияние на развитие всего европейского театра, в то же время принуждены указывать на ее особенности, мешающие ей иметь то широкое культурное значение, какое выпало, например, на долю английской драмы Ренессанса [6]. Испанская драма, по их определению, слишком *национальна*; испанские драматурги заражены "кастильским" [7] духом, вращаются в кругу узкокастильских моральных понятий и свойственного кастильцам католического фанатизма. Поэтому размах их художественной мысли ограничен.

Ссылаться в данном случае на "национальность" - значит не объяснять сущности дела. В узости миросозерцания испанских драматургов повинна не "национальность", а исторические условия. Испанская драма расцвела после того, как сама Испания бесповоротно вступила на путь политико-экономического регресса. Миросозерцание испанских драматургов сложилось под диктовку застывавших форм общественной жизни, "упадочных" тенденций эпохи.

И непримиримый католический фанатизм, и культ "кастильского духа" суть лишь частичные показатели поворота "назад", к "феодальным" временам, к традициям "средневековья". Во власть же подобных "феодальных" переживаний отдало испанских писателей позднего литературного Ренессанса сознание трагизма "эмпирической" [8] действительности.

"Que es la vida? un frenesi. Que es la vida? una ilusion! [9] - так формулировал в знаменитой драме "La vida es sueño" [10] Кальдерон отношение испанской интеллигенции своего времени к процессу текущей жизни. Реальная жизнь имеет иллюзорную ценность: она есть мечта и сон; она - игрище слепого случая, беспрестанная смена иррациональных сцеплений.

Пессимистическая формула резюмирует наблюдение над "хаосом" действительности. В пределах их исторического кругозора для испанских интеллигентов, действительно, не намечалось никаких элементов, которые хоть сколько-нибудь могли внушить доверие к реальной жизни, свидетельствовать о планомерном течении событий, открывать светлые перспективы дали будущего.

"О, Вавилон мира! Благословенна будь судьба, давшая мне созерцать тебя издали со слезами. О, святое уединение, я люблю тебя, благоговею к тебе, ибо, обретаясь на лоне твоём, могу со стороны смотреть на бедствия, исходящие из очагов лжи и обмана. Сколько предателей, прикрывающихся маской доброжелателей! Сколько Александров Великих, лишенных добродетели! Сколько Уллисов и сирен! Сколько ничтожных людей, живущих под сенью людей добродетельных, сколько ханжей, похищающих честь, славу, деньги! Сколько благоразумных мужей, обремененных долгами! Сколько благородных женщин, окруженных толпами мнимых родственников! Сколько Лукреций, униженных произволом непобедимого металла!" [11]

Таковыми штрихами обрисовал "хаос" современной ему действительности другой испанский драматург.

Очаг "хаоса", "Вавилон мира" - это столица ex-"мировой" державы. Приведенный отрывок звучит, как резкая филиппика [12] против городской цивилизации. Но видеть в нем *лишь* подобного рода филиппику было бы ошибочно. Поэзия испанского Ренессанса - дитя крупных торгово-промышленных центров. Поле наблюдений над действительностью для представителей названного Ренессанса определялось тем, что последние могли встречаться на лоне городской жизни. И филиппики их, поэтому, имеют более общее значение.

Их критика "реальной жизни" не глубока - как видно, например, из приведенной цитаты. Последовательного объяснения "хаосу", виденного ими, они не дают. Хаосу общественной жизни соответствуют и формы хаотического познания и мышления.

Но если их общие концепции "действительности" так мало удовлетворительны, благодаря своей "отвлеченности", это не мешает представителям испанского Ренессанса входить в более основательную, более детальную оценку некоторых социальных явлений, в которых они непосредственно заинтересованы.